
Дмитрий Колесниченко
НЕПРОСТЫЕ ИСТИНЫ
Наследие Демиургов
2026

Дмитрий Колесниченко

Непростые истины: Наследие Демиургов

«Автор»
2026

Колесниченко Д.

Непростые истины: Наследие Демиургов / Д. Колесниченко — «Автор», 2026

На древнем манускрипте двенадцать лучей сходятся к центру, но линии обрываются, не касаясь центра. Учёные считают это технической ошибкой. Тая видит правду: если замкнуть круг, реальность рассыпется.В мире Таи и её сестры Тани нет тайн: одна видит прошлое людей и вещей, другая слышит людей и вещи как радио, и вместе они прошли суровую школу кафедры парапсихологии Кёстлера. Но встреча с пожилым Хранителем тайного Ордена Матвеем Севериным ставит перед ними вопрос, от которого леденеет кровь. Времени не существует, все варианты судеб давно записаны на пластинках, а за каждой закрытой дверью пустота, пока в комнате нет Наблюдателя.Однако самое страшное открытие ждёт сестёр впереди: их дар не способен отличить живую душу от пустой оболочки даже в собственной семье. Чтобы познать тайны мироустройства им придётся пройти сквозь ледяную инженерию Вселенной, принять послание Вечности и обрести Ключ к вечной радости и счастью.Захватывающий мистико-психологический роман о тайнах мироустройства.

© Колесниченко Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Цена выбора 6
Глава 1. Комната за плечом 17
Г 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Дмитрий Колесниченко
Непростые истины: Наследие Демиургов

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, распространена, размещена в информационных системах, передана третьим лицам или использована в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными – без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством РФ.

Цитирование произведения допускается в случаях и объёме, установленных законодательством РФ, при обязательном указании имени автора и источника заимствования.

© Дмитрий Колесниченко, 2026

Пролог. Цена выбора

«Человек просит изменить прошлое, когда хочет получить будущее без своей части в нём».– Из записей Хранителя

Он остался женихом.

Первого февраля 2020 года, ровно в половине двенадцатого, Николай высыпал на стол обручальное кольцо, три года пролежавшее в коробочке, и посмотрел на незнакомого старика. Кольцо покатилось к краю стола. Старик остановил его пальцем, даже не взглянув вниз.

– Мне сказали, вы можете вернуть человека, – произнёс Николай.

– Садись, – ответил старик.

Николай остался стоять. Он боялся, что сейчас его начнут спрашивать о сне, аппетите и работе. Ему уже задавали эти вопросы – врачи, знакомые, люди, которые не знали, что ещё сказать. Ни один ответ не приближал его к тому утру, когда Ольга сидела рядом в белом платье и смеялась, пытаясь пристегнуться поверх пышной юбки.

До регистрации их брака оставалось одиннадцать минут. На приборной панели светилось: 11:49.

Ольга выпила ещё дома – чтобы не нервничать, – а теперь отпила шампанского в машине. Она попросила сделать музыку погромче. Николай тогда ответил: подожди, дай проехать перекрёсток. Ольга рассмеялась и потянула его за руку.

Руль дёрнулся под его ладонью. Последнее, что Николай успел увидеть: лицо водителя встречной машины – широко раскрытые глаза за стеклом – и больше ничего.

Сам он отделался трещиной в запястье. Ольгу похоронили в свадебном платье: Николай настоял, хотя потом не мог вспомнить зачем. Может быть, ему хотелось хоть чем-то завершить то, что так и не началось. На кладбище все называли его мужем. Он никого не поправлял. Объяснять, что он ей даже мужем стать не успел, было бы невыносимо.

Первый год он приходил к Ольге каждый день. Потом – через день. Рассказывал, как бы они жили: сняли дом, родили ребёнка, и никогда бы не ссорились. С каждым месяцем подробностей становилось всё больше. В этих разговорах Ольга почти не спорила. Она всегда была весёлой, верной, терпеливой; ждала его вечерами и понимала с полуслова. Чем дольше он горевал, тем меньше в его памяти оставалось её настоящей – той, которая могла обидеться, хлопнуть дверью или сказать что-нибудь неприятное.

Иногда Николай слышал собственную неправду. И тогда начинал говорить громче, чтобы её не слышать.

– Тебе тридцать два, Николай, – сказал старик. – Сколько ещё лет ты собираешься прожить в том у́тре?

– Я собираюсь вернуть её.

– А если уйдёшь отсюда без неё?

Николай снял пальто и бросил его на спинку свободного стула, затем сел.

– Тогда незачем было приходить.

Комната не походила на место, где возвращают мёртвых. Зелёная настольная лампа, два стула, часы на полке. У окна горели две свечи. Хранителем старика называли другие; Николай представлял себе кого-то торжественного, почти величественного. Перед ним же сидел худой седой человек в тёмном пиджаке. На большом пальце у него темнело чернильное пятно – будто он только что поставил подпись под чем-то очень важным и забыл вытереть руку.

Часы показывали 11:30. Секундная стрелка двигалась, и Николая раздражало, что даже здесь приходится ждать.

– Я могу помочь тебе выбраться из твоего мрака, – сказал Хранитель. – Без изменения прошлого.

– Я пробовал.

– Что именно ты пробовал?

Николай отвернулся. Он пробовал ходить на работу, пока не перестал слышать коллег. Убирал фотографии, а потом доставал обратно. Однажды пообедал с женщиной и весь вечер ненавидел себя за это, как за состоявшуюся измену.

– Я не могу сделать вид, что ничего не случилось.

– Этого и не нужно, – ответил Хранитель. – Есть человек, к которому я могу тебя направить. Сначала ты научишься проживать один день, не возвращаясь каждую минуту на тот перекрёсток. Потом два дня, потом больше. Ольга останется в твоей памяти. Но у тебя появится настоящая жизнь, а не только память о боли.

Хранитель достал чистую карточку и положил рядом с кольцом.

– Ты можешь начать сегодня.

Николай отодвинул карточку.

– Она будет лежать в земле, а я начну сегодня жить?

– Ты тоже хочешь туда побыстрее попасть?

Николай посмотрел на старика с ненавистью. Тот выдержал его взгляд.

– Я хочу, чтобы руль тогда не повернулся. Больше ничего. Вы можете мне помочь?

– Могу. Но тогда изменится всё, что случилось после. Все три года до сегодняшнего дня.

Николай вцепился в край стола.

– И она будет жива?

– Да, будет жива.

Впервые за весь разговор Николай смог глубоко вдохнуть. Он уже видел Ольгу у окна – босую, растрёпанную, в своей старой футболке. Она обернётся и спросит: «Где тебя носит?» Он простит ей всё. Теперь он знал, что самое дорогое это её жизнь, всё остальное ничего не стоит.

– За изменение прошлого придётся заплатить, – сказал Хранитель.

– Сколько?

– Не деньгами. Цена будет в той жизни, которую ты получишь.

– Что со мной случится?

– Точную цену заранее назвать нельзя.

– Вы не знаете?

– Знаю. Но назвать не могу.

Николай ждал. За окном кто-то стряхивал снег с карниза. Мягкие комья падали мимо стекла, и каждый раз Николай вздрагивал – словно разговор могли прервать в любой момент.

– Это правило вашего ордена? – спросил он.

– Нет, это правило мироздания, или устройство равновесия, если так больше нравится. Одним словом: баланс. Правило ордена можно отменить, правило баланса – нельзя.

– Я должен согласиться неизвестно на что?

– Или принять помощь, которую я предложил вначале. Выбирать тебе.

Карточка всё ещё лежала на столе. Николай накрыл её ладонью, словно старик мог записать адрес и вытолкнуть его за дверь.

– Хуже, чем сейчас, уже не будет.

– Этого я не обещаю. И ещё: второго изменения прошлого не будет. Даже если захочешь вернуть всё обратно.

Николай медленно убрал руку с карточки. Он услышал предупреждение. Представил болезнь, бедность, собственную смерть. Всё это можно было вынести, если сначала хотя бы раз увидеть, как Ольга входит в комнату.

– Я согласен.

– Есть отдельное условие, – продолжил Хранитель. – Ты можешь быть полезен ордену. Однажды я могу обратиться к тебе за услугой. Она будет тебе по си́лам, это будет твоя плата ордену.

– Я обычный человек.

– Я знаю, кого прошу. Повторяю, это будет обычная человеческая просьба. И она будет тебе по си́лам. Ничего незаконного я не попрошу.

Николай помолчал.

– Хорошо. Только сделайте то, что обещали.

Хранитель некоторое время смотрел на него, затем встал и протянул руки.

– Назови момент.

– Первое февраля две тысячи семнадцатого года. Одиннадцать сорок девять. Перекрёсток у ЗАГСа. Она тянется ко мне за руку. На этот раз я удержу руль.

Старик обхватил запястья Николая. Пламя обеих свечей легло горизонтально, в одну сторону. Николай почувствовал жар на щеке, хотя свечи были далеко от него.

Между их руками проступили тонкие светящиеся нити. Они переплетались, расходились и снова сходились, пока в глубине узора не блеснуло лобовое стекло. За ним Ольга смеялась, ещё не зная, что через мгновение должна умереть.

Николай дёрнулся к ней, но Хранитель удержал его.

Стрелки часов сошлись на цифре двенадцать. Последний щелчок прозвучал как выстрел, и затем наступила тишина.

– Теперь иди, – сказал Хранитель.

Николай поднялся. Старик взял со стола кольцо и протянул его, но гость уже шёл к открытой двери, за которой виднелся обычный коридор. Николай шагнул через порог.

За его спиной Хранитель начал опускать руку с кольцом.

* * *

Аварии не было, и Ольга не погибла. Николай крепко держал руль, а встречная машина на перекрёстке пронеслась мимо. Ольга уже отпустила его руку и, глядя в зеркало, поправляла фату.

– Ты чего такой белый? Кольца забыл? – спросила она.

Николай разразился смехом – неестественным, давящим, похожим на судорогу. Он хохотал до катящихся по щекам слёз, не в силах остановиться от осознания произошедшего. Ольга смотрела на него с нарастающей паникой, но дикое, осязаемое напряжение в воздухе передалось и ей. Сдавшись этой истерике, она тоже нервно засмеялась, глядя на мужа широко раскрытыми глазами.

Уже у ЗАГСа ему пришлось минуту постоять у машины, пока не перестали дрожать колени. Реальность возвращалась рывками. Ольга потянула его за рукав:

– Коля, мы опоздаем.

Он целовал её перед чужими телефонами, в тесном лифте, дома в прихожей. Она в шутку вырывалась: шпилька колола затылок. Николай помогал вытаскивать их из причёски, действуя лихорадочно, почти слепо. Живая кожа под пальцами, след помады на воротнике… Теперь можно было просто позвать её из кухни – и она отвечала.

Первое время Николай просыпался по ночам и слушал, как Ольга дышит. Однажды она открыла глаза и сердито спросила:

– Если проверяешь, жива ли я, то хотя бы не дыши мне прямо в ухо. Я и так тебя слышу.

Он извинился. Жена перевернулась на другой бок, пробормотала что-то о том, что вышла замуж за человека со странностями, – и снова уснула. Николай ещё долго лежал рядом, в темноте прислушиваясь к её дыханию.

Свадебную фотографию поставили на комод. На снимке Ольга смотрела куда-то за его плечо – там друзья звали её танцевать. Раньше Николай любил этот кадр за её улыбку. Потом стал замечать: даже здесь она как будто уже собирается уйти.

В первый раз они серьёзно поссорились из-за вечера, который Николай приготовил для двоих. Он накрыл стол, купил цветы, её любимый торт и сам ответил на звонок её подруги: Оли сегодня не будет.

Когда она вышла из ванной, всё уже было решено.

– Я обещала, – сказала Ольга.

– Они и без тебя отлично посидят.

– А меня ты спросить не забыл? – Она посмотрела на торт, на горящие свечи. – Или это теперь тоже происходит по твоему расписанию?

Николаю казалось, что этот праздничный стол – лучшее оправдание, ведь он так старался. Но Ольга лишь равнодушно задула свечи и со смехом пошла одеваться.

Позднее Николай вспоминал ту первую ссору иначе: он приготовил для неё семейный праздник, а она предпочла дискотеку и подруг.

Дочь родилась следующей весной. Ольга держала малышку бережно и неумело, обеими руками поддерживая голову, и заворожённо шептала:

– Смотри, ногти настоящие. Такие маленькие, кажутся нарисованными.

Николай боялся даже прикоснуться к ребёнку. Ольга фыркнула, подвинулась на койке и сама уложила дочь ему на руки. Несколько минут они молча разглядывали девочку вместе. Тогда Николаю казалось, что теперь наконец-то всё наладилось.

Ольга обожала смешить дочь. Надевала жёлтый ботинок себе на нос, чихала, роняла его и с торжественной обидой спрашивала:

– Кто это тут бросается обувью? Я буду жаловаться в домоуправление!

Девочка хохотала до икоты. Николай стоял в дверях и отчаянно хотел сохранить их такими навсегда.

Но уже через час Ольга красила губы перед зеркалом.

– Я ненадолго, – обещала она.

Она возвращалась, когда ребёнок уже спал, поздно ночью или вообще под утро. Громко шептала в прихожей и обижалась, что муж встречает её с потемневшим лицом. Потом она перестала обещать, что вернётся скоро.

Однажды Николай нашёл начатую бутылку за пачками подгузников. Он сел на пол, сжав бутылку между коленями. Ольга замерла в дверях.

– Я бы всё равно нашёл её, – сказал Николай.

– Вот поэтому и спрятала. Ты меня всё время проверяешь. Мне уже дышать нечем, никакой свободы.

Она говорила трезво и уста́ло. Николай попросил её сесть рядом, но Ольга осталась у порога.

– Я хочу иногда слышать своё имя, Коля. Меня зовут Оля, если ты ещё не забыл. Не «мама», не «ты покормила?». Понимаешь?

Николай понимал усталость. Он и сам засыпал сидя, пока грелась вода для вечернего купания. Он попытался найти выход:

– В субботу я побуду с ней. Сходи куда хочешь.

Ольга тихо сказала: «Спасибо».

На следующей неделе Николай уже мысленно подсчитывал, во сколько она ушла и когда вернулась, а Ольга снова прятала недопитые бутылки. Он умолял её обратиться за помощью. Она соглашалась утром и отказывалась вечером. Плакала, обнимала его, клялась. Иногда недели две всё было хорошо. Николай расслаблялся, переставал прислушиваться к её шагам в коридоре – и именно в этот момент иллюзия нормальной жизни рассыпалась в прах.

Зимой, незадолго до третьей годовщины свадьбы, они ехали домой от друзей. Дочь спала на заднем сиденье. Ольга потянулась прибавить музыку, но Николай перехватил её руку, убирая с регулятора.

Она хмельно засмеялась и резко дёрнула его за рукав. Машину швырнуло в сторону.

Николай чудом выровнял руль, резко перестроился на обочину и заглушил двигатель. Несколько секунд он смотрел на пустую ночную трассу перед собой, не разжимая побелевших пальцев. Позади послышался шорох. Он обернулся. Дочь спала, прижав щёку к краю детского кресла. Один её ботинок упирался в спинку его сиденья.

– Ты совсем дура? – тихо спросил Николай.

Ольга перестала смеяться.

– Ничего же не случилось.

– Выйди из машины. Я вызову тебе такси. Сейчас ты с нами не поедешь.

– Коля…

– Я сказал: не поедешь.

Он вызвал машину и дождался её приезда. Всё это время Николай молчал, глядя прямо перед собой. Ольга ушла, резко хлопнув пассажирской дверью. От этого звука дочь на заднем сиденье проснулась и заплакала. Николай потянулся к ней, но не сразу смог отстегнуть свой ремень – пальцы совсем не слушались.

Через два дня Ольга собрала сумку. Николай ходил за ней из комнаты в комнату, в отчаянии повторяя то, что много раз говорил когда-то на её могиле: у нас ведь всё могло быть хорошо. Дом, праздники, дочь, которую они оба укладывают спать…

Ольга остановилась, сжимая в руках ручки расстёгнутой сумки.

– Когда ты со мной познакомился, я какая была?

– Молодая. Мы оба были молодые.

– Ты познакомился со мной в четыре утра. Я танцевала на столе. Ты тогда сказал: «Наконец-то я начал жить». А теперь я должна стать другой, потому что ты уже натанцевался?

– У нас ребёнок.

Ольга посмотрела в сторону детской. Николай замер, до последнего надеясь, что это её остановит.

– С тобой ей будет лучше, – тихо сказала она.

Ольга ушла. Обещала звонить.

Николай ещё несколько раз подходил к дверному глазку: ему всё слышался знакомый шорох её шагов на площадке. Потом дочь протянула ему книжку, и пришлось сесть читать. На третьей странице он поймал себя на том, что машинально произносит слова, не понимая смысла ни одного из них.

Утром первого февраля девочка рисовала у него на коленях. Она обвела карандашом три кривых круга и назвала один из них папой. Николай бережно сложил лист и сунул в карман, чтобы дочь не увидела, как у него дрожат губы. Позвонил матери, попросил приехать и посидеть с внучкой.

Адрес Хранителя он помнил наизусть – из той, прежней жизни, которая теперь существовала лишь в его памяти.

Возле знакомой двери Николай достал телефон. На экране светилось: 1 февраля 2020 года, 12:00.

За этим порогом он прожил заново те же три года, которые прежде провёл в беспросветном горе. Только теперь Ольга была жива. Но всё равно ушла…

Он решительно взялся за ручку. Замóк щёлкнул, но за порогом Николая ждал вовсе не обычный коридор. Он шагнул в ту же самую комнату с зелёной лампой. Хранитель стоял у стола. Его рука с кольцом ещё не успела даже опусти́ться.

* * *

Кольцо звякнуло о дерево.

Николай замер в дверях. На стуле так и лежало его пальто – сухое, чёрное, то самое, в котором он пришёл сюда полчаса назад. Он не помнил, когда успел его снять. Сам он был в куртке, купленной Ольгой прошлой зимой; на плечах таял снег.

Пламя свечей всё ещё было наклонено набок.

– Почему вы не сказали? – спросил Николай.

Он так крепко держал дверную ручку, что не сразу сумел разжать пальцы.

– Что она будет пить. Что бросит дочь. Что я буду…

Голос сорвался. Николай захлопнул дверь плечом.

Хранитель не отвёл взгляда.

– Вы знали?

– Знал, – ответил Хранитель.

За месяцы бессонницы Николай привык сдерживаться, чтобы не разбудить ребёнка. Здесь можно было кричать. Он ударил ладонью по столу. Кольцо подпрыгнуло, и Хранитель снова остановил его пальцем.

– Тогда почему вы промолчали? – Николай наклонился через стол. – Вы могли сказать: «Она тебя бросит». Три слова. Не так уж много для человека, который отправил меня прожить собственное будущее.

Хранитель помолчал.

– Точную цену нельзя передать тому, кто ещё выбирает, – сказал он наконец. – Знание изменило бы сам выбор. Так устроено равновесие.

– Я не спрашиваю о точной цене. Вы могли сказать, что я могу потерять её снова. Могли сказать, что изменение прошлого не гарантирует счастливую жизнь. Вы предупредили так, чтобы формально выполнить условие.

Хранитель ответил не сразу.

– Да, – сказал он. – Мог предупредить.

Николай хотел услышать оправдание, спор, хоть что-нибудь, за что можно было бы уцепиться. Признание напрочь лишило его удобной мишени.

– И всё равно согласились.

– Я предлагал тебе помощь, с которой ты мог бы легко пережить потерю. Ты потребовал отменить саму потерю. Точную цену я назвать не мог. Но это не мешало мне сказать, что она может оказаться большой.

Николай опустился на край стула – прямо на своё пальто.

– Я любил Ольгу и просто хотел быть с ней.

– С какой Ольгой? – спросил Хранитель.

Николай собирался ответить: с моей. И вдруг вспомнил свечи на накрытом столе, её мокрые волосы, телефон, который он положил, уже решив за неё.

– Со своей женой.

– Ты полюбил веселье, которое она принесла в твою жизнь, – сказал Хранитель. – А потом решил, что она должна жить по твоим правилам. Она тебе это обещала?

– Люди женятся, у них рождаются дети. Нельзя же…

Николай умолк. Ольга обещала меньше пить. Обещала приходить вовремя. Это было правдой, и он не собирался отказываться от неё ради красивых слов старика.

– Она тоже отвечала за дочь, – сказал Николай. – Я не виноват в том, что она её оставила.

– Не виноват, – согласился Хранитель. – За это отвечает она. А ты отвечаешь за то, что делал со своей жизнью и чего требовал от чужой. Одно не отменяет другого.

Николай достал рисунок. На сгибе бумага размокла от снега. Он осторожно расправил лист на столе, заслонив кольцо.

– Посмотрите. Это дочка нарисовала утром. От неё мама ушла. Ей тоже рассказать про равновесие?

Хранитель посмотрел на три карандашных круга.

– Ей нужен отец, который вернётся домой.

Николай отдёрнул руку от рисунка. Эти слова прозвучали как обвинение. Он вставал к дочери по ночам, кормил её, лечил, читал книжки. Делал всё, что должен был делать, кроме одного: даже когда дочь играла рядом, он продолжал мысленно разговаривать с Ольгой. Просил её одуматься. Доказывал её ошибку. Готовил слова к её возвращению. Как прежде, у её могилы.

– Она сломала мне жизнь, – сказал Николай.

– Ольга ушла. Это её выбор, и за него отвечает она, – произнёс Хранитель. – Но ты сам отказался от будущего, когда решил, что жить без неё не будешь. Ты просил изменить момент её смерти, будто другой старт мог гарантировать тот финал, которого ты хотел.

– Мне что, радоваться надо было? Тому, что она погибла?

– Нет. Пережить её смерть и жить дальше. Ты решил, что без неё никакого будущего не примешь. А когда она осталась жива, решил за неё, какое будущее она должна принять. Я предлагал тебе путь из горя. Ты захотел начать сначала – но начал с того, чтобы отменить то, что не мог вынести. Это эгоизм и нарушение баланса.

Николай прикрыл глаза. Он помнил обе жизни. В одной Ольга оставалась рядом, стоило закрыть глаза. В другой захлопнула дверь и ушла.

Ему хотелось спросить, любила ли она его вообще. Но впервые он испугался, что примет ещё один чужой ответ вместо всего, что сам о ней знал.

– И это справедливо?

– Я не называю это справедливостью, – ответил Хранитель. – Я лишь говорю, что любовь не даёт нам права решать за другого.

Николай молчал. Ему всё ещё хотелось ударить старика. От признания собственной доли Хранитель не становился добрее, а у Николая не переставало болеть. Он провёл пальцем по маленькому кругу на бумаге.

– Если вернуть всё как было, её не будет.

– Дочери?

Николай кивнул.

– Я не хочу, чтобы её не было.

В этом решении помощь Хранителя ему не требовалась. Он готов снова прожить сколько угодно бессонных ночей с плачем, температурой, бессонницей. Лишь бы дочь существовала.

– А сделать, чтобы Ольга перестала пить? Чтобы захотела вернуться?

– Ты опять просишь выбрать за неё. Если на то пошло – это вопрос к наркологу, а не ко мне.

Николай опустил голову. Некоторое время в комнате было слышно только его неровное дыхание. Карточка лежала там же, куда он её отодвинул. Николай взял её двумя пальцами и положил перед Хранителем.

– Этот человек, к которому вы хотели меня отправить. Он и сейчас меня сможет принять?

– Да, это опытный врач, он поможет.

Хранитель написал имя и номер. Николай смотрел за движением ручки. От него требовалось всего лишь позвонить – почему-то это было страшнее, чем согласиться на неизвестную цену десять минут назад. Время оказалось весьма непостоянной величиной.

Николай убрал карточку и рисунок в карман. Кольцо оставил на столе.

– В первый раз ты пришёл вернуть её, – сказал Хранитель. – Сейчас ты пришёл вернуть себя. Но это уже не моя работа.

На лестнице Николай позвонил матери и попросил дать трубку дочери.

– Папа скоро будет, – сказал он. – Слышишь? Скоро.

* * *

Дверь за Николаем закрылась. Из соседней комнаты вышел второй хранитель в тёмном костюме. Он был одним из Двенадцати. Мог войти сюда и без двери, но обычно пользовался дверью. Равно как и беседа их была лишь взаимной любезностью: истинный смысл они знали без слов.

– Ты же знал, что ему будет хуже, – сказал второй хранитель.

Хранитель поднял кольцо.

– Знал, что ему будет больно.

– Если бы он принял потерю, встретил бы другую. Прожил бы с ней долго и счастливо. Зачем ты переписал ему прошлое?

– Он отказался от любого будущего, в котором нет Ольги. Я предлагал ему путь без изменения прошлого. Он сам попросил об изменении.

– И ты согласился.

– Да.

Второй хранитель посмотрел на оставленное кольцо.

– Ты называешь это помощью?

– Нет, но это его выбор. Он отказался жить с последствием первой потери, в итоге изменение прошлого вернуло ему ту же утрату, только в другой форме. Теперь от него зависит ещё одна жизнь. А ещё в качестве платы он получит полное непринятие дочерью его будущих отношений.

– Искупление взамен счастья – дорогая плата, – сказал второй Хранитель.

Хранитель не ответил.

С лестницы донёсся голос Николая. Он повторил в трубку, что скоро будет дома. Хранитель прислушался и убрал кольцо в ящик стола.

– А наша просьба? – спросил второй хранитель.

– Когда понадобится, обратимся. Эту плату он ещё не оплатил.

Пламя свечей выпрямилось.

Часы щёлкнули и показали двенадцать часов пять минут.

Глава 1. Комната за плечом

«Скрытая гармония лучше явной». – Гераклит Эфесский

Чайник щёлкнул раньше, чем Тая успела поставить кружку на стол.

– Вот, – сказала Катя, выуживая из кухонного ящика плоский картонный прямоугольник. – Я же говорила: пригодятся.

Она держала в руке старые очки для затмений. Едва заметная надпись на дужке выдавала их возраст – август девяносто девятого. Бумажные края обтрепались, бельевая резинка вытянулась и потеряла упругость, но темный полимер стекол остался невредим.

– В девяносто девятом ты говорила, что они понадобятся к следующему разу, – напомнила Тая, забирая у матери чашку.

– И не ошиблась. Просто у космоса своё расписание, он не обязан подстраиваться под наше.

Катя положила очки рядом с глубокой фарфоровой миской, доверху наполненной вымытой клубникой. На кухне пахло мятной заваркой, тёплым ржаным хлебом и утренней речной сыростью. Окно на балкон было распахнуто настежь: июнь во Франкфурте выдался жарким, и город после долгой зимней спячки жадно возвращался на улицы. Листья старых платанов над Майном едва заметно поворачивались к солнцу, словно присматривали себе места в первом ряду партера.

Из соседней комнаты донёсся приглушённый гул голосов из динамика ноутбука, который тут же перекрыл быстрый, звонкий голос Тани:

– Коллеги, ровно в полдень мы официально нарушим академический протокол и посмотрим на светило через дуршлаг. Каждое отверстие сработает как маленькая камера-обскура и даст на бумаге аккуратный серп. Это гораздо нагляднее, чем любые таблицы.

Тая шагнула к открытой двери и прислонилась плечом к косяку. Младшая сестра сидела за столом в широкой чёрной футболке, подобрав под себя одну ногу. Левой рукой Таня двигала мышь, а в правой на весу держала большой металлический дуршлаг с длинной ручкой. На экране ноутбука ровными рядами выстроились иконки видеосвязи. Один из студентов на том конце провода озадаченно сдвинул брови, другой, напротив, деловито потянулся за ручкой.

– Слайды готовы? – тихо спросила Тая, когда Таня на секунду отключила микрофон.

– Почти, – выдохнула Таня, перехватывая дуршлаг поудобнее. – Хорошо, что кухонная оптика всегда готова. Безотказный прибор: ни обновлений системы не просит, ни пароль от факультетского сервера не забывает.

Она подняла дуршлаг над чистым листом ватмана, лежавшим на залитом солнцем подоконнике. По белой бумаге тут же рассыпалась сетка ровных светлых кружков.

– Пока солнце круглое, – сказала Таня, снова включая звук для группы. – Но через три часа у каждого кружка Луна откусит край. Так что, если связь опять упадёт, у нас останется резервный канал связи со Вселенной.

Тая вернулась к кухонному столу.

– Мой глоссарий тоже готов, – сказала она, перебирая закладки в синем блокноте. – Если, конечно, докладчик не решит прямо на трибуне открыть неизвестный науке диалект. Что, в общем-то, не исключено.

– Палеография и древние системы фиксации времени, – прочитала Катя по бумажке с программой, лежавшей у хлебницы. – Звучит солидно. Хотя на практике вы опять будете три часа спорить из-за одной полустёртой запятой на камне.

– Если камень сохранил царапину, её уже не перепишешь задним числом под удобную гипотезу, – отозвалась Тая. – Бумага терпит всё, а камень упрям. В отличие от некоторых поздних списков, которые зачасту́ю стараются казаться древнее, чем они есть.

– Это ты сейчас камень в огород юристов бросила? – не поднимая головы, спросил Дима.

Он сидел на своём обычном месте у стола, положив перед собой раскрытую зелёную тетрадь и два распечатанных листа с убористым текстом. Корешок тетради давно обтрепался на сгибах, а тяжёлая перьевая ручка лежала строго поперёк страницы – как шлагбаум перед сомнительным пунктом договора.

– Я про всех, кто прячет суть в примечаниях, – Тая чуть заметно улыбнулась.

Дима поднял взгляд. Уголки его глаз собрались в знакомую сухую усмешку.

– Зря ты так. От мелкого шрифта хотя бы знаешь, чего ждать. Он честен в своём коварстве: забился в угол и тихо надеется, что его не заметят.

Тая провела ладонью по плотной обложке синего блокнота. На страницах ровным почерком теснились латинские и немецкие термины, выписки из каталога Института палеографии и тайминг выступлений. Сюда её позвали ради камерного междисциплинарного семинара: двенадцать человек в зале, ещё десяток на удалёнке. Никаких громких открытий – обычная языковая практика, работа с чужими словами. Тая мысленно пробежалась по расписанию дня. Это помогало выстроить границу между собой и вечно шумящим фоном чужой жизни.

Катя придвинула к ней картонные очки:

– Положи в сумку. Много места не займут.

Тая знала, что в институте наверняка заготовили современные фильтры, но спорить не стала. Матери было важно, чтобы вещь, прождавшая в темноте ящика больше двадцати лет, наконец-то выполнила своё предназначение.

– Если сегодня не пригодятся, верну лет через двадцать, после очередного затмения.

– Договорились, – кивнула Катя. – К тому времени я, возможно, доберусь до верхней полки в кладовке.

Из коридора показалась Таня с пустой кружкой в руке; у неё выдалась пятиминутная перемена между парами.

– Тай, если они там в процессе чтения манускриптов случайно вызовут древнего демона или откроют дату конца света, скинь эсэмэску в семейный чат. У меня вторая группа до часу дня, я не смогу отлучиться.

– Если начнётся конец света, ты услышишь его раньше, чем я дотянусь до телефона.

– Это не аргумент, – отрезала Таня, наливая себе воды из графина. – Мой слух к делу не подошьёшь. Мне нужен задокументированный протокол от очевидца.

– Шопенгауэр считал, что каждый принимает предел собственного кругозора за предел мира, – спокойно заметила Тая. – Боюсь, большинство концов света устроено именно по этому принципу.

Таня фыркнула, но на долю секунды её пальцы на стекле графина напряглись. С самого утра эфир вокруг дома гудел плотно и вязко: соседи снизу спорили из-за страховки, за окном грохотала тележка доставщика воды, в ноутбуке на разные голоса тревожились перед зачётом студенты. Таня умела держать свои внутренние шлюзы закрытыми, но сегодня, в день затмения, чужие мысли напирали на заслон чуть сильнее обычного – как вода на плотину в половодье.

Дима аккуратно совмещёнными пальцами закрыл зелёную тетрадь.

– Во сколько заканчивается твоя секция?

– По регламенту в два. Если докладчик не раскопает в пергаменте тринадцатый месяц.

– Проверь зарядку на телефоне. И не ставь на беззвучный, когда выйдешь из зала.

Тая задержала взгляд на лице отца. Дима никогда не давал пустых бытовых поручений – этим в доме заведовала Катя. Если он заговаривал о связи, значит, его внутренний компас уже уловил какое-то смещение, пусть и без конкретных очертаний.

– Ты что-то знаешь? – прямо спросила она.

– Знаю, что в полдень Луна закроет часть Солнца, а в городе снова пробки у моста, – ровно ответил Дима. – Остальное – чистая адвокатская профилактика. Хороший юрист должен иметь возможность дозвониться до клиента за минуту до того, как тот поставит подпись под кабальной сделкой.

Катя молча придвинула к старшей дочери горячую кружку.

– Сначала допей чай, – велела она тоном, не допускающим возражений. – Древние рукописи пролежали в архиве восемь веков, подождут ещё пять минут.

Тая обхватила нагретый фаянс ладонями. Тепло сразу ушло в пальцы, которые у неё часто мёрзли даже летом. На мгновение кухня показалась ей абсолютно неуязвимой крепостью: запах мяты, красный бок клубники в белой миске, тихий спор студентов из Таниной комнаты, спокойные глаза отца. Это было настолько уютное, убаюкивающее чувство предсказуемости, что Тая усилием воли запретила себе в него верить.

– Расскажешь вечером, если попадётся что-нибудь любопытное? – как бы невзначай обронила Катя, вытирая насухо край стола.

– Расскажу, – пообещала Тая.

Она не стала добавлять, что между «любопытным» и тем, что иногда приходит через её ви́дение, лежит дистанция, которую не всегда хочется приносить на семейную кухню. Спрятав блокнот и картонные очки в свою сумку, Тая допила чайи вышла в прихожую, пока утреннее солнце окончательно не раскали́ло каменные мостовые Франкфурта.

* * *

Аудитория Института палеографии на третьем этаже старого особняка пахла сухой бумажной пылью, нагретым на солнце дубовым паркетом и медовым ароматом цветущей липы, чьи тяжёлые ветви заглядывали прямо в стрельчатые окна. В коридоре участники ещё послушно натягивали на нос синие медицинские маски, но в самом зале рамы распахнули настежь, и ворвавшийся тёплый ветер лениво перебирал распечатки на столах.

Тая заняла место за отдельным столиком сбоку от кафедры и по привычке пересчитала присутствующих. Двенадцать человек. Одиннадцать уже расселись полукругом, а двенадцатый – взъерошенный парень в жилетке системного администратора – стоял на одном колене у плинтуса, безуспешно пытаясь заставить проектор увидеть ноутбук докладчика.

– Меня не считайте, – не оборачиваясь, буркнул он, каким-то шестым чувством уловив её взгляд. – Я здесь чисто как функция переходника.

– Переходник – это самая ответственная должность в любой иерархии, – заметила Тая, надевая лёгкую гарнитуру с тонким микрофоном. – Без него верхи́ не могут достучаться до низо́в.

Техник мельком глянул на неё снизу вверх, оценил серьёзное лицо переводчицы, хмыкнул и с удвоенным рвением воткнул кабель в соседний разъём. Проектор под потолком благодарно пискнул и высветил на белое полотно экрана первый слайд.

Основной докладчик – сухощавый мюнхенский медиевист, чья скороговорка вечно неслась на полкорпуса впереди его же синтаксиса, – без раскачки перешёл к сути. Его тема звучала подчеркнуто узко: «Аномалии циклической разметки времени в неканонических кодексах XII века». Однако уже на пятой минуте он свернул от монастырских хроник к более древним матрицам времени.

– Мы привыкли думать, что древний человек измерял время линейно, от посева до жатвы, или грубо циклично, по разливам рек, – быстро говорил докладчик, постукивая лазерной указкой по схеме египетского и вавилонского календарей. – Но в ряде закрытых трактатов мы видим совершенно иную геометрию. Там время вообще не трактуется как поток, текущий из прошлого в будущее. Скорее как пространственная решётка, где все точки уже

нанесены заранее, а наблюдатель лишь перемещается между узлами. Взгляните на ориентацию комплекса в Гизе и аналогичных мегалитических маркеров: они привязаны не к правлению династий, а к жёстким астрономическим петлям. Словно эти сооружения ставили не как гробницы, а как ре́перные иглы в точках, где временна́я петля замыкается сама на себя. Будто само пространство там кто-то разметил с обратной стороны листа.

Тая синхронно переводила его немецкую речь на английский для заочных участников, спокойно укладывая громоздкие придаточные предложения в чёткие, понятные фразы. Её работа требовала двойного внимания: удерживать чужую мысль и параллельно следить за залом. Мужчина в первом ряду, в твидовом пиджаке, неистово строчил в блокноте, периодически обламывая от нажима графитовый стержень карандаша. Пожилая дама у окна сняла одну чашку наушников, чтобы слушать сразу и оригинал, и перевод. В самом конце зала, в глубокой тени книжных шкафов, неподвижно сидел седой человек в строгом сером костюме; он единственный за всё время не взглянул ни в свои бумаги, ни в телефон.

Докладчик переключил слайд. На экране в высоком разрешении появилась страница древнего пергаментного манускрипта: выцветшие бурые строки латинского письма на широких полях и странная круговая диаграмма сбоку. Двенадцать малых узлов по окружности, переплетённых тонкими хордами, сходились к середине. Но сам геометрический центр круга оставался девственно пустым – последняя линия обрывалась за миллиметр до точки схождения.

– Перед нами так называемый Франкфуртский фрагмент, лист четырнадцать оборотный, – голос медиевиста зазвенел от профессионального азарта. – Обозначение центрального узла в тексте отсутствует. Косвенные глоссы на полях дают слово «nexus» или «vinculum», то есть «связь», «сцепление», но с чем именно должна соединяться вся система – переписчик не указал.

Тая перевела. В углу экрана всплыла жёлтая ладошка: один из британских профессоров на удалёнке попросил сло́ва.

– Простите, коллега, – раздался из колонок глуховатый голос с эдинбургским акцентом, от которого у Таи на миг потеплело внутри, – но если центральный узел отсутствует и контур разомкнут, на каком основании мы вообще классифицируем эту фигуру как завершённый круг времени?

Докладчик снисходительно улыбнулся – он явно ждал именно этого возражения:

– Потому что человеческое восприятие гештальтно, профессор. Форма всегда стремится к полноте. Даже если средневековый копиист по рассеянности не довёл линию до конца или у него в самый ответственный момент высохли чернила, мы без труда реконструируем исходный замысел автора.

Тая точно перевела ответ, но её рука с ручкой замерла над блокнотом. В гладкой академической формулировке что-то фальшивило, как расстроенная струна в оркестре. Замысел далеко не всегда стремится к завершению. Иногда вся суть конструкции держится именно на том, что мастер вовремя убрал руку.

Она подняла взгляд на полотно проектора. По самому краю цифровой фотографии, вдоль правого поля пергамента, вдруг проступила бледная сероватая кайма – точно такая бывает, когда при сканировании старой книги страницу нечаянно сдвигают на стекле, и лампа выхватывает двойной контур. Тая чуть подалась вперёд, прищурившись. Кайма исчезла.

– Вероятнее всего, перед нами банальная механическая погрешность переписчика, – продолжал вещать докладчик. – Усталость глаз при свечном освещении, пропуск финального штриха. В нашей компьютерной модели мы, разумеется, оставили лакуну нетронутой.

– Почему же не достроили пунктиром, раз замысел очевиден? – подала голос дама у окна.

– Этика реставратора, фрау Вебер. Мы не правим руку древнего писца, даже когда его оплошность очевидна.

Тая перевела реплику, а её пальцы сами собой, без участия сознания, быстро вывели на странице слова: *Остановился – не значит забыл*.

Лазерная точка указки скользнула по двенадцати узлам диаграммы, нырнула в белую пустоту посередине и погасла. Докладчик нажал клавишу переключения кадра, но слайд на экране почему-то не сменился – проектор словно задумался, удерживая увеличенный срез пергамента на секунду дольше положенного.

И в эту секунду свет в аудитории изменился. За стрельчатыми окнами по-прежнему сиял безоблачный июньский полдень, но внутри зала тени под столами вдруг сгустились и вытянулись, будто между солнцем и землёй бесшумно провернули невидимую диафрагму.

Никто в зале не шелохнулся. Мужчина в первом ряду затачивал сломанный карандаш, техник дремал у плинтуса, дама у окна обмахивала себя листом бумаги. И только Тая сидела с прямой спиной, не отрывая глаз от экрана: для неё этот слайд больше не был плоской фотографией.

* * *

Сначала она заметила рыжий оттенок старых железистых чернил. А следом, прямо поверх блеклой сетки чертежа, проступила линия, которой не было ни на одном библиотечном скане.

Она светилась изнутри холодным, плотным бело-голубым свечением – тонкая, тугая, как стальная струна, натянутая за гранью разрыва. Эта линия не соединяла чернильные точки и не пыталась закрыть геометрическую брешь. Напротив: едва она проявилась, вся плоская картинка на экране обрела пугающую трехмерную глубину. Двенадцать узлов подались назад, проваливаясь в перспективу, края пергамента выгнулись, а пустое место в центре перестало быть пропуском – оно оказалось сквозным окном, вокруг которого вращалась вся схема.

Взгляд Таи застекленел; внешний мир с его шелестом бумаг и гулом кулера в проекторе отступил за толстое стекло. Внутри её головы беззвучно включился второй экран.

Светящаяся нить на полотне дрогнула, и проекция обрела чёткость. Поверх белой ткани экрана проступили сухие, узловатые пальцы с въевшейся в кожу тёмной пылью. Они сжимали гусиное перо. Остриё замерло в двух миллиметрах над нетронутой сердцевиной круга – так низко, что с расщепа вот-вот должна была сорваться тяжёлая капля. По бокам от писца горели две восковые свечи; их высокие языки пламени неестественно, под одним углом завалились влево и застыли, будто впаянные в янтарь.

Лица человека Тая не видела – верхнюю часть фигуры отсекал плотный сумрак. Но она физически, собственными рёбрами ощутила чудовищное напряжение этой замершей кисти. Линия на полях не была черновиком или ошибкой. Она работала как распорка в своде обрушивающейся шахты. Стоило кончику пера опуститься и замкнуть круг – весь пергаментный мир вместе со свечами, столом и самим писцом мгновенно лопнул бы по швам и осыпался тлеющим пеплом.

От кончиков пальцев Таи к самым локтям стремительно побежал ледяной холод.

– Фрау Голубева? Вы с нами?

Голос мюнхенского докладчика пробился сквозь толщу воды. В ушах у Таи стоял высокий, чистый, как от камертона, звон. Она заставила себя моргнуть. На экране по-прежнему висела круговая диаграмма, и красный зайчик лазерной указки стоял ровно в той точке, где мгновение назад висело остриё гусиного пера.

Тая плотно прижала ладонь к столешнице. Тёплый лакированный дуб немного вернул ощущение собственного тела, хотя подушечки пальцев оставались совершенно белыми и нечувствительными.

Два слоя реальности отказывались расходиться: сквозь пиксельную сетку современного проектора всё ещё просвечивал живой бело-голубой шов. Он лежал по кромке схемы, точно суровая нитка на изнанке вывернутого кафтана, и за этим швом угадывалось присутствие какой-то колоссальной, медленной механики, которой у плоского листа бумаги просто не могло быть по законам физики.

– Прошу прощения. Кратковременный сбой звука в канале, – ровным, чуть более тихим, чем обычно, голосом произнесла Тая в микрофон.

Она тут же подхватила оборванную фразу докладчика и повела перевод дальше. Профессиональный автопилот сработал безупречно: её губы чётко выговаривали латинские термины – «темпоральная петля, радиальная симметрия, нулевой меридиан текста», – но сама она в этот момент смотрела сквозь буквы. Потому что из той точки, где сотни лет назад остановилось перо, на неё кто-то смотрел в ответ.

Это не был призрак или силуэт. Это было чистое, сфокусированное внимание – холодное и тяжёлое, как луч прожектора в ночном небе. Кто-то по ту сторону шва заметил, что она видит линию.

Тая резким движением захлопнула свой блокнот, обрывая контакт.

Звон в висках лопнул, как мыльный пузырь. Тени в аудитории мгновенно посветлели, вернувшись к обычным полуденным пропорциям, а диаграмма на экране снова превратилась в заурядный слайд с выцветшими бурыми чернилами.

– Вам нехорошо? – шёпотом спросила дама у окна, участливо наклоняясь к её столику. – На вас лица нет, милочка.

– Всё в порядке, благодарю. Просто немного душно с непривычки, – ответила Тая одними губами.

Дама с сомнением покосилась на распахнутую раму, откуда тянуло свежим речным ветерком, но расспрашивать не стала. Докладчик тем временем перелистнул презентацию на таблицу радиоуглеродного анализа пергамента. Там всё было просто, надёжно и мёртво: столбцы цифр, погрешности в полвека, химический состав чернил. Никаких свечей и никаких швов, удерживающих бытие́ от распада.

Тая открыла блокнот на закладке, взяла ручку негнущимися пальцами и под строчкой *Остановился – не значит забыл* твёрдо дописала: *Центр оставлен свободным умышленно*.

Оставшиеся сорок минут секции она отработала как автомат. Переводила вопросы удалённых участников, уточняла датировки египетских папирусов, вежливо улыбалась шуткам председателя. И только один раз, подняв глаза от блокнота, она встретилась взглядом с седым человеком в сером костюме у дальнего шкафа. Он по-прежнему не делал никаких заметок – просто смотрел на её побелевшие пальцы, лежавшие на крышке стола, и едва заметно кивнул, словно принимая смену.

* * *

В первом часу объявили получасовой перерыв: затмение входило в максимальную фазу, и удерживать учёных мужей в четырёх стенах было бы кощунством.

Участники высыпали во внутренний дворик института и на открытую террасу кафе под старой раскидистой липой. Официанты в спущенных на подбородок масках разносили кофе со льдом и минералку, а по соседней набережной Майна, заливисто звеня, катили велосипедисты. Из сумки Таи наконец появились на свет Катины очки девяносто девятого года. Рядом немецкие коллеги с детской серьёзностью примеряли точно такие же картонные оправы с логотипом Франкфуртского планетария.

Тая отошла на шаг от шумной стайки аспирантов, прислонилась спиной к тёплой каменной балюстраде под липой и надела очки. Сквозь плотную чёрную плёнку мир погас, оставив

в вышине лишь ослепительно-белый, чёткий диск Солнца. С правого верхнего края в него уже вгрызлась угольно-чёрная, идеально ровная дуга Луны.

Вокруг негромко ахнули. В самом зрелище не было ничего пугающего – скорее строгая, геометрическая правильность небесной механики. Но когда Тая сняла очки и опустила взгляд себе под ноги, у неё перехватило дыхание.

Прямо по светло-серому асфальту дворика, по белым скатертям столиков и по её собственным туфлям рассыпались сотни живых, дрожащих солнечных серпиков. Густая крона липы с её тысячами крошечных просветов между листьями сработала точно так же, как Танин дуршлаг на кухонном подоконнике. Каждый зазор в листве проецировал на землю маленькую перевёрнутую копию надкушенного светила.

Мир вокруг словно потерял привычную плотность: воздух стал сухим, звонким, выцветшим, как на старой киноплёнке, а тени обрели несвойственную им резкость. Казалось, декорация летнего дня на минуту дала слабину и откровенно призналась зрителям, что она – всего лишь плоская оптическая проекция на экране.

Тень от листвы метнулась в сторону. Внезапный порыв ветра с Майна принёс короткую, слепую полосу летнего дождя из одинокого облака, зацепившегося за шпили небоскрёбов. Крупные прозрачные капли с шелестом ударили по листве.

И в то же мгновение у Таи снова заложило уши.

Она не успела ни испугаться, ни закрыться. Гул голосов на веранде, звон кофейных ложечек и плеск реки за парапетом разом оборвались, сменившись густой, натянутой тишиной. А в двух шагах от её лица, на фоне тёмного ствола липы, несколько крупных дождевых капель просто повисли в воздухе.

Они не падали. Тая видела каждую в отдельности: вытянутую книзу форму, крошечный перевёрнутый серпик солнца, преломлённый внутри водяной линзы, и пылинку липовой пыльцы, прилипшую к прозрачному боку. Время во дворике не замедлилось – оно остановилось намертво, как заклинивший в проекторе кадр.

Это длилось не больше двух ударов сердца. Затем невидимая плёнка сорвалась с зубцов, капли со звонким шлепком разбились о каменные плиты, оставив тёмные звёздочки на пыли, и в уши снова хлынул смех женщины у соседнего столика.

Тая медленно разжала пальцы, которыми вцепилась в каменный край балюстрады.

Ах, если бы здесь сейчас была Таня… Тая почти наяву увидела сестру в этот миг – там, в десяти минутах ходьбы, на набережной, куда Таня наверняка выбежала в перерыве между группами, с большими накладными наушниками на шее. Для Тани этот сбой должен был отозваться ещё оглушительнее: когда сотни обрывков чужих мыслей в толпе сливаются в единый треск радиопомех, а потом вдруг обрываются в мёртвую, белую пустоту остановившейся пластинки.

– Красивый оптический эффект, не правда ли? – раздался рядом бодрый голос мюнхенского докладчика; он подошёл с бокалом воды в руке, глядя на рассыпанные повсюду световые полумесяцы. – Природа сама устраивает нам наглядное пособие по проективной геометрии.

– Да, – негромко ответила Тая, глядя на мокрое пятно у мыска своей туфли, где секунду назад висела неподвижная капля. – Поразительно, как легко этот мир соглашается стать плоской картинкой.

– Главное, чтобы в конце сеанса в будке не выключили рубильник, – беззаботно рассмеялся медиевист и, заметив машущего ему коллегу, торопливо откланялся.

Тая осталась под липой одна. В воздухе после минутного дождя остро запахло мокрой известковой пылью, медовой липой и почему-то чистым, холодным грозовым озоном, хотя никакой грозы над Франкфуртом не было.

* * *

– Вы смотрели не на серпы. Вы смотрели на шов, – произнёс из-за её плеча спокойный, чуть глуховатый мужской голос.

Тая обернулась быстрее, чем следовало.

Перед ней стоял тот самый человек из последнего ряда аудитории. Вблизи он казался старше – лет под семьдесят, но держался с той сухой, собранной прямотой, какая бывает у старых фехтовальщиков или часовых мастеров. Аккуратно подстриженная седая борода, строгий серый костюм тонкой шерсти вопреки летней жаре. В нагрудном кармане поблёскивали оправа складной лупы и узкий чехол реставрационного скальпеля. Но главным были его глаза – очень светлые, почти прозрачные. Он смотрел на Таю без всякого светского любопытства, словно сверял показания точного прибора.

– Я смотрела на тени от листьев, – сдержанно ответила Тая, включая привычную защиту переводчика: вежливая дистанция, нейтральный тон.

– Тени не заставляют человека забыть, как дышать, – мягко заметил старик. – И от теней не белеют костяшки пальцев.

Он говорил негромко, почти дружелюбно, но от этой спокойной осведомлённости Тае захотелось отступить на шаг.

Мужчина поднял правую руку, поправляя скальпель в нагрудном кармане. И в тот миг, когда его локоть сдвинулся, воздух за его левым плечом дал трещину.

Солнечный дворик с липой и столиками не исчез – он просто раздвинулся, как неплотно задёрнутая штора. Прямо за плечом незнакомца, в полуметре от цветущей ветки, Тая увидела угол совершенно другой комнаты. Густой, медово-жёлтый свет восковых свечей в тяжёлом бронзовом подсвечнике. Край массивного дубового стола, заваленного шершавыми листами старинной бумаги. Кожаные корешки фолиантов на полках и каменную сводчатую стену, хранившую первозданный, доэлектрический сумрак. Оттуда, из этого разреза в воздухе, прямо в лицо Тае пахнуло горячим сургучом, старой кожей и сухим холодком глубокого подземелья.

Виде́ние продержалось одну секунду – ровно столько, сколько старик опускал руку, – и бесшумно схлопнулось, снова сменившись белой штукатуркой институтского фасада.

Тая не шевелилась. Свои обычные видения она знала с детства: чтобы заглянуть в прошлое предмета, ей нужно было коснуться вещи или сознательно сфокусировать взгляд, приоткрыть внутреннюю дверь. Здесь же чужое пространство вторглось само, просто потому, что этот человек стоял слишком близко. Вокруг него реальность словно проседала под невидимым весом, обнажая старые слои.

– Вы переводите только с современных языков? – спросил он, будто ничего не произошло.

– Сегодня с немецкого на английский, – голос Таи прозвучал чуть глуше, чем ей хотелось.

– А когда не связаны контрактом?

– Читаю то, что оставили на полях.

Старик едва заметно улыбнулся уголками губ: ответ ему явно пришёлся по вкусу.

– Опасная привычка, Таисия. На полях иногда пишут вещи, ради которых сам текст задумывался лишь как упаковка.

Он перевёл взгляд на её ладонь, всё ещё сжимавшую картонные очки.

– Замёрзли?

– Ветер с реки.

– Сегодня он дует не с реки, – негромко поправил он. – Позвольте представиться официально: Матвей Севе́рин. Реставратор старинных рукописей.

– Таисия Голубева. Впрочем, вы уже назвали меня по имени.

– Ваше имя значится в листе регистрации у входа, – вежливо пояснил Севе́рин.

Объяснение казалось безупречным, но Тая знала: в листе регистрации значилось только «Т. Голубева». Полного имени в программе семинара не стояло.

Тем временем полуденная тьма начала понемногу отступать. Тень Луны сползала с солнечного диска, и сотни маленьких серпов на асфальте под липой расплывались, теряя остроту рогов и вновь превращаясь в привычные бесформенные блики.

– Когда докладчик показывал четырнадцатый лист, вы перестали смотреть на текст и уставились в пустой центр круга, – негромко сказал Севе́рин, глядя, как гаснут серпики у его ботинок. – Почему?

Холод снова тонкой иглой кольнул Таю под лопаткой, но отступать было поздно. Честность перед тем, что она видит, всегда оставалась её главной опорой – и единственной защитой.

– Потому что он не был пустым, – глядя прямо в его прозрачные глаза, ответила Тая. – Там проходила линия.

Севе́рин не удивился и не переспросил, о какой линии речь. Он только медленно кивнул, словно закрыл наконец долгие архивные поиски.

– В таком случае нам стоит пройтись до конца террасы, Таисия. Здесь слишком много лишних ушей.

* * *

Они медленно пошли вдоль каменного парапета к дальнему углу сада, куда не долетали голоса кофейной очереди. На большом пальце правой руки Севе́рина Тая заметила свежую узкую царапину от бумажного края и въевшуюся под ноготь тёмную пыль – точь-в-точь такую же, как на пальцах безымянного писца из её недавнего видения в зале.

– Наш мюнхенский коллега счёл незамкнутый круг досадной оплошностью копииста, – заговорил Севе́рин, заложив руки за спину. – А как поступили бы вы, если бы переписывали этот лист начисто? Довели бы перо до точки?

– Нет.

– По какой причине? Из уважения к древней ошибке?

– Мы не исправляем то, устройства чего не понимаем, – отчеканила Тая.

– Ну а если бы точно понимали устройство?

– Тогда тем более не тронула бы.

Севе́рин остановился у куста дикого жасмина и с интересом повернул к ней голову:

– Вы рассуждаете не как филолог, Таисия. Скорее как сапёр перед чужой растяжкой. Что именно вы увидели на том слайде?

– Я увидела, что вы смотрели не на экран, а на меня, – парировала Тая. – Значит, то, что происходило со слайдом, вы знали заранее.

– Допустим, я знаю этот манускрипт немного дольше, чем ваш докладчик живёт на свете, – без тени рисовки ответил реставратор. – Но мне важно услышать вашу формулировку. Слова – это единственные флажки, которыми мы можем пометить невидимое.

Тая на секунду прикрыла глаза, вызывая в памяти бело-голубую струну и замершее в воздухе пламя свечей.

– Эта линия была швом, – тихо сказала она. – Она держала страницу изнутри, с изнанки. Если бы переписчик опустил перо и замкнул круг в центре, вся конструкция потеряла бы опору и рассыпалась.

Улыбка полностью сошла с лица Севе́рина. Его взгляд стал острым и тяжёлым, как остриё скальпеля у него на груди.

– Вы полагаете, речь шла только о сохранности пергаментной страницы?

– Нет, – твёрдо ответила Тая. – Страница там была только чертежом.

Севе́рин долго молчал, глядя поверх крыш Франкфурта туда, где в сизой дымке угадывались пологие хребты Таунуса.

– Наш докладчик сегодня вскользь упомянул пирамиды и временны́е петли, даже не подозревая, насколько близко подошёл к краю, – негромко заговорил он. – Люди отчего-то убеждены, что время течёт, как ваш Майн за стеной, а история пишется с чистого листа. Но времени в человеческом понимании вообще не существует. Это всего лишь выдуманная нами мера расстояния между кадрами, – способ защитить сознание, чтобы оно не сошло с ума от одновременности происходящего.

Он повернулся к Тае и чуть приподнял ладонь, словно взвешивая невидимый диск:

– Представьте себе бесконечный архив, где всё – и ваш сегодняшний завтрак, и падение Трои, и то, что случится через сто лет, – уже давным-давно записано на множестве пластинок. Вся симфония готова от первой до последней ноты. А то, что вы называете «настоящим моментом» или своей жизнью, – просто тонкая иголка вашего внимания, которая скользит по выбранной дорожке. Как на старом граммофоне… – Севе́рин вдруг осёкся, слегка поморщился, словно упёрся в невидимую стену неточного слова, и с нажимом поправился: – Изви-

ните, на патефоне. Это важная разница. Игла бежит по канавке, и слушателю кажется, будто музыка рождается прямо сейчас. А пирамиды и такие вот незамкнутые чертежи – это точки, где винил проколот насквозь, с другой стороны. Разметка от тех, кто нарезал саму пластинку.

Тая слушала его, не перебивая. Странная оговорка про «граммофон – патефон» царапнула слух: человек, владеющий речью с ювелирной точностью, споткнулся на пустяковом бытовом существительном так, будто за этой заменой стоял какой-то строгий внутренний регламент.

– И для чего нужна эта разметка? – спросила она.

– Для удержания баланса, – просто ответил Севе́рин. – В этом мире всё, что созидается, созидается исключительно вопреки разрушению. Таков главный закон. Энтропия всегда тянет линию к замыканию, к покою, к нулю. А жизнь существует лишь до тех пор, пока в центре сохраняется свободное пространство. Вы совершенно верно увидели: тот, кто держит перо над центром, не ошибся. Он держит паузу, чтобы пластинка продолжала крутиться.

– Значит, полчаса назад под липой капли дождя остановили в воздухе тоже вы? – прямо спросила Тая. – Просто придержали пальцем край пластинки?

Севе́рин посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом, и в глубине его светлых зрачков мелькнуло нечто похожее на уважение.

– Дождь шёл сам по себе, Таисия. Я лишь на секунду совмещал две соседние дорожки, чтобы разглядеть вас без помех. Обычный человек в такой момент просто моргает и ничего не замечает – мозг послушно склеивает разрыв. Но ваши глаза не склеили.

– А комната со свечами и дубовым столом за вашим плечом? Тоже соседняя дорожка?

– Скорее рабочее место, которое я не всегда успеваю плотно прикрыть за собой, – сухо улыбнулся он. – Как видите, реставрация старых смыслов – занятие пыльное, въедается в пиджак.

Он расстегнул верхнюю пуговицу пиджака и достал из внутреннего кармана плотный прямоугольник матового слонового картона. В центре строгим антиквенным шрифтом стояло только два слова: *Матвей Севе́рин*. Ниже, в самом углу, мельчайшим курсивом шла какая-то архивная сигнатура из букв и цифр, а поверх неё старик прямо на весу, быстрым размашистым почерком дописал карандашом прямой городской номер.

– Возьмите. Когда линия вернётся – а она непременно вернётся, раз уж вы заглянули за шов, – позвоните мне.

Тая не спешила протягивать руку.

– А если я решу не звонить?

– Это ваше полное право, – спокойно согласился Севе́рин. – Насильно за изнанку мира никого не тянут. Но вы ведь из тех, кто не умеет оставлять книгу недочитанной, если на середине вырвана страница. Верно?

Тая приняла карточку кончиками пальцев. Плотный картон хранил сухое тепло его ладони и едва уловимо пах тем самым сургучом из виде́ния.

– Вы даже не спросили, работаю ли я одна или есть те, кто мне до́рог, – заметила она, когда старик уже сделал шаг в сторону арки выхода.

Севе́рин остановился, вполоборота повернув голову:

– То, что мне действительно важно знать о ваших близких, вы расскажете сами, если сочтёте нужным. А заглядывать в чужие окна без приглашения в нашем возрасте невежливо. Хорошего дня, Таисия.

Он слегка наклонил голову и неторопливым, ровным шагом ушёл в глубокую тень сводчатого проезда. Когда через три секунды Тая шагнула следом к арке, каменный коридор до самой кованой решётки ворот был совершенно пуст.

* * *

Из ворот Института палеографии Тая вышла в половине третьего и вместо трамвайной остановки свернула вниз, к набережной Майна. Перед тем как ехать домой, ей нужно было выветрить из лёгких запах старого воска и сверить координаты с единственным человеком, чьим ушам она доверяла как собственным глазам.

Таня нашлась через десять минут у причала прогулочных катеров, на нижней каменной ступеньке у самой воды. На её шее висели массивные студийные наушники с активным шумоподавлением, на коленях лежала раскрытая чёрная тетрадь в твёрдом переплёте, а в руках она крутила бумажный стаканчик с давно растаявшим лимонным сорбетом.

– Можешь ничего не говорить про моё лицо, – с порога предупредила Таня, даже не оборачиваясь на шаги сестры. – В двенадцать двадцать семь у меня в наушниках вырубило шумодав, а потом вся набережная на две секунды просто выключилась из розетки. Я думала, у меня одной крыша поехала от солнечной радиации.

Тая молча опустилась рядом с ней на тёплый, нагретый солнцем гранит. От воды тянуло тиной и речным ветром, мимо с весёлым гамом проплывала байдарка с гребцами в ярких жилетах.

– Значит, ты тоже это поймала, – выдохнула Тая, и только сейчас почувствовала, как отпускает зажатую с полудня пружину под рёбрами.

– «Поймала» – это очень мягкое дипломатическое слово, Тай, – Таня стянула наушники с шеи и постучала костяшкой пальца по пластиковому ободку. – Я вышла после первой пары проветрить голову. Иду вдоль воды, вокруг обычный базар-вокзал: бегуны пыхтят и считают пульс, бариста в киоске мысленно ругает поставщика овсяного молока, такса пытается укусить голубя. Сплошной белый шум, как в московском метро в час пик. И вдруг – раз! – словно кто-то одним движением сдёрнул иглу с пластинки. Ни одной мысли в радиусе километра. Просто звенящая, стерильная пустота, а в животе такой ледяной ком, будто лифт сорвался.

Тая открыла сумку, достала синий блокнот и без слов протянула сестре вложенную между страниц матовую карточку.

Таня взяла визитку двумя пальцами, понюхала зачем-то край картона, затем прищурилась, разглядывая крошечный типографский шифр под именем *Матвей Севе́рин*и дописанный карандашом телефон.

– Ого, – протянула она, и в её голосе мгновенно включилась привычная защитная ирония – верный признак того, что младшая сестра встревожена всерьёз. – Как бы сказал наш папа: от мелкого шрифта на вашей визитке хотя бы не ждёшь подвоха – он просто надеется, что его не заметят. Кто этот любитель конспирации?

– Реставратор. Так он представился, – Тая вкратце, без лишних эпитетов, пересказала сестре историю с незамкнутой диаграммой на четырнадцатом листе, застывшими под липой каплями дождя и комнатой со свечами за серым плечом старика.

По мере того как Тая говорила, Таня перестала улыбаться. Она открыла свою чёрную тетрадь на странице, где уже была жирно выведена цифра *12:27 – обрыв эфира*, и быстро записала рядом: *Матвей Севе́рин. Граммофон → патефон (поправился!). Время = расстояние на пластинке*.

– Значит, про пластинку и иголку он тебе буквально так и выдал? – уточнила Таня, поднимая глаза от записи. – Слушай, а ведь это жутковатое совпадение. Когда на набережной всё заглохло, у меня в голове было стопроцентное ощущение винилового диска, который придержали пальцем. Никакой мистической музыки сфер – чистая механика.

– Он не похож на городских сумасшедших, Тань. И на шарлатанов из эзотерических салонов не похож. Когда я смотрела на шов в аудитории, он не пытался мне ничего внушить – он

просто ждал, справлюсь я с картинкой или нет. А за его спиной висит пространство, которое я не могу ни вызвать сама, ни отодвинуть.

Таня задумчиво провела кончиком ручки по карандашным цифрам телефона на визитке:

– И папа утром как в воду глядел со своим «держи телефон включённым». Интуиция у нашего главного юриста всё-таки работает без выходных. Что думаешь делать с этим патефонным мастером?

– Сначала доедем до дома, – Тая забрала визитку и бережно вернула её в свой блокнот. – Если человек утверждает, что времени не существует, он спокойно подождёт нашего звонка пару дней.

* * *

В трамвае шестнадцатого маршрута медицинские маски всё ещё полагалось носить по инструкции, поэтому половина пассажиров сидела с закрытыми лицами, а вторая половина делала вид, что страшно занята поглощением воды из бутылочек.

Тая и Таня стояли рядом у средней площадки, держась за один вертикальный поручень. Горячий июньский ветер врывался в открытые форточки вагона, пах раскалённым железом рельсов и нагретым асфальтом, но прохлады не приносил. Визитка Севе́рина лежала в сумке за двумя переплётами, и тем не менее Тая физически ощущала этот кусочек картона – будто в сумку положили маленький, но невероятно тяжёлый свинцовый слиток, стягивающий ткань книзу.

В тёмном стекле двери напротив отражались их собственные лица над полосками масок: одинаковый разлёт бровей, но совершенно разные глаза. У Тани – быстрые, насторожённые, непрерывно сканирующие салон; у Таи – спокойные, чуть рассеянные, словно сфокусированные на чём-то за пределами вагона.

– Женщина с зелёной хозяйственной сумкой во втором ряду, – едва слышно, одними губами шепнула Таня, не поворачивая головы. – Три минуты подряд крутит в голове одну и ту же фразу про невыключенный утюг. У меня от неё уже в левом ухе стреляет.

Не успела Тая ответить, как перед её внутренним взором, поверх отражения в вагонном стекле, короткой сухой вспышкой прошёл опережающий кадр: белый фургон доставщика вылетает из переулка поперёк рельсов, вагоновожатый бьёт по тормозам, женщина с зелёной сумкой на полуслове роняет телефон и летит плечом прямо на стеклянную перегородку.

Тая без слов свободной рукой перехватила Таню за пояс и сама намертво вцепилась в поручень, подавшись корпусом назад.

Через полторы секунды под полом вагона с визгом сработали тормоза и трамвай клюнул носом. Женщина во втором ряду ахнула, выронила смартфон и тяжело ударилась зелёной сумкой о перегородку; дремавший у входа мужчина в бейсболке слетел с подножки и громко выругался по-немецки, потирая ушибленное колено. Белый фургон за окном, вильнув кормой, проскочил в полуметре от трамвая и умчался вниз по улице.

Сёстры устояли на ногах, даже не качнувшись.

Но расплата за двухсекундное заглядывание вперёд пришла немедленно: пальцы Таи на металлическом поручне снова стали ледяными, как после прикосновения к льду, а на затылок лёг знакомый плоский камень – тупая, давящая тяжесть, какая всегда оставалась после резкого торможения собственной нервной системы.

– Три секунды упреждения, – тихо констатировала Таня, поднимая с пола укатившийся к её кедам смартфон и возвращая его растерянной хозяйке зелёной сумки. – Ты в норме?

– Да, – коротко ответила Тая, глядя, как на тёплом хроме поручня медленно тают влажные следы её собственных побелевших ладоней. – Просто проверила: обычная физика в этом городе пока ещё работает.

– Работает, – мрачновато согласилась Таня, поправляя лямку рюкзака. – Только почему-то после сегодняшнего полудня мне всё время кажется, что вагоновожатый сидит не в кабине, а крутит ручку снаружи.

* * *

К восьми вечера жара наконец спáла, уступив место мягким речным сумеркам. На широком балконе с видом на потемневший Майн горела неяркая настольная лампа под тканевым абажуром; на деревянном столе вокруг фарфоровой миски с остатками клубники собрались четыре большие кружки. Из кухни доносилось привычное пыхтение чайника, который Катя поставила кипятиться уже по третьему кругу.

Тая сидела в плетёном кресле, поджав под себя ноги, и молча смотрела, как по чёрной воде Майна скользят длинные жёлтые отражения мостовых фонарей.

Для старшей из сестёр, всегда предпочитавшей называть вещи своими именами сразу и без обиняков, такое затянувшееся молчание само по себе звучало громче любого признания. Таня, сидевшая напротив с телефоном в руках, первой подняла глаза. Между ними в воздухе беззвучно протянулась старая домашняя связь – та, для которой не требовалось ни слов, ни даже поворота головы. В сознании Тани отчётливо вспыхнул посланный сестрой образ: белый разомкнутый круг и узкая карточка с карандашными цифрами.

Таня едва заметно коснулась указательным пальцем виска: *Принято. Выкладываем?*

Тая чуть качнула головой и приложила два пальца к губам: *Не всё сразу. Позже.*

Таня в ответ выразительно постучала ногтем по собственному подбородку – на их закрытом детском диалекте ещё со времён эдинбургской кафедры этот жест означал: *И долго ты собираешься партизанить?*

Прежде чем Тая успела ответить жестом, на балкон вышла Катя со свежим заварочным чайником в руках и без лишних слов долила кружку старшей дочери до самого края.

– Заметьте, я ни о чём не расспрашиваю, – миролюбиво объявила она в пространство балкона.

– Ты расспрашиваешь чайником, мам, – отозвалась Тая, согревая ладони о горячий фарфор. – Третий литр за вечер – это уже допрос с пристрастием.

– Чайник – прибор неодушевлённый, к делу его показания не приобщишь, – парировала Катя, усаживаясь рядом с мужем. – Тело не обязано обсуждать вашу высокую палеографию, ему после рабочего дня нужны белки, углеводы и горячая жидкость.

Дима сидел босиком, откинувшись на спинку стула и заложив руки в карманы домашних брюк. Он дольше обычного смотрел на темнеющую полосу реки и не спешил вступать в разговор. Тая слишком хорошо знала эту его тихую сосредоточенность: отец уже уловил главный вектор случившегося, но, как всегда, оставлял дочерям суверенное право самим решить, какой частью информации они готовы поделиться.

Таня выбрала из миски самую крупную тёмно-красную ягоду, аккуратно разрезала её фруктовым ножом ровно пополам и переложила одну половинку на блюдце перед сестрой.

– Держи. На случай, если твой режим секретности затянется до полуночи.

– Я скоро к этому вернусь, – тихо сказала Тая.

– Ты вернёшься к линии или к клубнике? – без улыбки уточнила Таня.

– К обеим.

– Тогда съешь сейчас: в разрезанном виде она долго не хранится, – рассудительно заметила младшая сестра и отправила свою половинку в рот.

Тая послушно взяла ягоду. На кончиках пальцев осталась капля густого рубинового сока – живая, сладкая, совершенно настоящая. Вытерев руку бумажной салфеткой, Тая расстегнула

боковой карман сумки, стоявшей у ножки кресла, достала визитку Севе́рина и положила её на край стола, белой стороной вверх, но придерживая углом ладони.

Взгляд Кати мгновенно зафиксировал маленький картонный прямоугольник.

– Надо полагать, семинар по древним календарям прошёл не зря? – спросила она, переводя глаза с карточки на лицо Таи. – Кто он?

– Реставратор рукописей. Матвей Севе́рин, – ответила Тая.

– Звучит гораздо приличнее, чем какой-нибудь потомственный маг в седьмом поколении, – заметила Катя, но в её голосе прорезалась та самая насторожённая нотка, которая появлялась всегда, когда неизвестность подходила слишком близко к её девочкам. – И чем же тебе не угодил этот реставратор?

– Тем, что он видит на слайдах то же, что и я. А когда говорит о времени, складывается впечатление, будто он сам эти календари и составлял.

Дима наконец перевёл взгляд с реки на белый прямоугольник картона под пальцами старшей дочери. Несколько секунд в тишине балкона было слышно только, как внизу под платанами шуршит шинами запоздалая машина.

– Позвонишь ему, – негромко, без вопросительной интонации произнёс Дима. – Только не сегодня и не завтра с утра.

Тая подняла на отца серьёзные глаза:

– Ты знаешь, кто он такой, пап?

– Нет, – честно ответил Дима, и это короткое слово из его уст прозвучало весомее любой длинной тирады. – Обычно, когда вы приносите домой новое имя, я сразу знаю хотя бы общий контур: чего человек хочет, где лжёт и чем дело кончится. А вокруг этого вашего реставратора – абсолютно чистое, пустое место. Словно страницу из папки аккуратно вырезали бритвой.

Он помолчал и спокойно добавил:

– Зато про тебя я знаю с абсолютной уверенностью: ты не успокоишься, пока не выяснишь, почему эта страница пустая. Решение за тобой, Тая. Оно просто ждёт, когда ты его примешь.

Таня со звоном поставила кружку на блюдце и откинулась на спинку стула:

– Обожаю наши вечерние посиделки. В любой другой семье родители бы сейчас читали лекцию о том, как опасно брать визитки у неизвестных в парке, а у нас даже пророчества выдаются в форме сухого заключения с отлагательным условием.

Дима улыбнулся одними глазами:

– Я ничего не пророчествовал, Тань. Я просто зафиксировал намерение сторон.

– Ну разумеется. Огласил приговор будущему без ненужной театральщины, – фыркнула Таня, но под столом её нога в домашнем носке мягко прижалась к щиколотке Таи, а по их внутреннему каналу прошло короткое, тёплое, как глоток чая: *Если что, пойдём вдвоём. Одной я тебе в этот патефон лезть не дам.*

Знаю, – так же беззвучно ответила ей Тая.

Катя посмотрела на мужа, потом на переглядывающихся дочерей и со вздохом сложила тканевую салфетку в идеальный квадрат.

– Ты сегодня весь вечер считаешь паузы между словами, Тая, – негромко сказала она. – И чай у тебя снова остыл.

– Профессиональная деформация, мам. Переводчик всегда считает такты.

– Переводчик заканчивается в шесть вечера у дверей института, а дома начинается дочь, – отрезала Катя, но тут же смягчилась и ласково провела ладонью по её волосам. – Ладно, идите спать, исследователи. Вопросы я пока положу на полку рядом с очками для затмения. Но имейте в виду: в отличие от солнечных затмений, материнское терпение повторяется гораздо чаще, чем раз в двадцать лет.

* * *

Тая проснулась за час до рассвета оттого, что в спальне резко, до першения в горле запахло грозовым озоном и горячим сургучом.

Она открыла глаза, не меняя положения головы на подушке. На соседней кровати у стены ровно и глубоко дышала во сне Таня; за полупрозрачной тюлевой занавеской едва-едва угадывались чёрные кроны прибрежных платанов и редкие жёлтые бакены на Майне. В комнате было тихо, прохладно и совершенно темно.

А в следующее мгновение противоположная стена спальни вместе с книжной полкой и акварелью в рамке бесшумно провалилась вглубь, словно размытая водой декорация.

Тая даже не удивилась – только пальцы поверх одеяла привычно похолодели, а дыхание стало редким. Прямо перед её кроватью, на расстоянии вытянутой руки, во всей своей плотной, вещественной подробности стояла та самая сводчатая мастерская, которая днём на секунду мелькнула за плечом Севе́рина.

Теперь Тая видела её целиком. Никаких окон в толстых каменных стенах не было. На массивном дубовом столе с потемневшей от времени, изрезанной столешницей горела старинная лампа под зелёным стеклянным колпаком и две высокие восковые свечи в бронзовом подсвечнике. Пламя свечей тянулось вверх ровно, без единого колебания, отражаясь в полированном металле двух тяжёлых старинных чернильниц, стоявших по краям сукна. Вдоль стен до самого свода уходили стеллажи, плотно забитые одинаковыми кожаными папками с тиснёными номерами на корешках, а на середине стола лежал раскрытый пергаментный фолиант и тонкая стальная игла на бархатной подушечке.

В глубоком кресле за столом сидел Матвей Севе́рин.

На нём не было дневного пиджака – только белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и тёмный жилет. Он не читал рукопись и не держал в руках реставрационного скальпеля. Положив сухие узловатые ладони по обе стороны от раскрытого листа, он неподвижно смотрел в темноту перед собой.

Внезапно он медленно поднял голову.

Тая не видела мелких черт его лица в густой тени от зелёного абажура, но всей кожей ощутила удар его прямого, сфокусированного взгляда. Это не было случайной утечкой чужого воспоминания, какую она сотни раз считывала со старых вещей. Севе́рин знал, что она здесь. Он сидел в своей безвре́менной комнате на другом конце спящего города и спокойно, без всякого усилия смотрел сквозь стены прямо в её раскрытые глаза, словно сам оставил для неё эту дверь незапертой.

Между её кроватью и краем его дубового стола не было никакой преграды. Тая чувствовала: стоило ей сейчас податься вперёд, сделать одно внутреннее усилие – и она смогла бы прочесть символы на том листе, что лежал между чернильницами, смогла бы увидеть то, что переписчик двенадцатого века не решился замкнуть пером.

Но утренний урок в аудитории не прошёл даром. Тая уже знала: за каждым таким шагом за линию стоит цена, которую потом приходится платить собственным телом и покоем тех, кто спит с тобой под одной крышей. Если дверь приоткрыта, это ещё не повод входить без стука и на чужих условиях.

Не отводя взгляда от светлых глаз старика под абажуром, Тая медленно, с нажимом опустила веки – сама первой разрывая связь.

В темноте под закрытыми ресницами было видно, как Севе́рин чуть заметно улыбнулся, одобряя её выдержку, и поднял руку к фитилю свечи.

Щёлкнул невидимый переключатель. Когда Тая через секунду снова открыла глаза, перед ней белела обычная оштукатуренная стена их франкфуртской спальни с акварельным видом Эдинбурга, а запах сургуча и старого пергамента таял, вытесняемый свежей утренней сыростью с реки.

Тая бесшумно опустила босые ноги на пол, чтобы не разбудить сестру, подошла к письменному столу и включила крошечный ночник на прищепке. Достав из сумки свой блокнот, она выложила рядом матовую визитку Севе́рина.

На предыдущем развороте серел её вчерашний аккуратный список дел: *семинар, перевод, трамвай, клубника к ужину*. Тая перевернула страницу на чистый, нетронутый лист. Взяла ручку и твёрдой рукой, по памяти, набросала по кругу двенадцать маленьких точек, соединив их тонкими лучами, сходящимися к середине.

Кончик пера завис над самым центром белого круга. Подумав секунду, Тая отвела руку в сторону, оставив сердцевину схемы незамкнутой. Свободное место посреди листа не выглядело пустотой – оно дышало.

Тая положила ручку поверх визитки с карандашным номером и погасила ночник. До рассвета и первого щелчка маминого чайника на кухне оставалось ещё три часа, а торопиться в мире, где все пластинки уже записаны заранее, не имело ни малейшего смысла.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.